

UNITED WISDOM

Тхеравада, махаяна и ваджраяна: карта различий

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-22-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Тхеравада, махаяна и ваджраяна: карта различий

Эпиграф

> *«Страдание следует понять».*

Будда в SN 56.11, формулировка задачи первой благородной истины. Наш перевод короткого фрагмента английского перевода Ṭhānissaro Bhikkhu: «Приведение колеса Дхаммы в движение».

О чём эта статья

В одном храме человек слышит палийское пение, в другом видит изображение многорукого бодхисаттвы, в третьем наблюдает молчаливое сидение. Со стороны это может выглядеть как три разных религии. Или, напротив, как одна универсальная техника спокойствия, украшенная местными обычаями. Оба впечатления слишком быстрые.

Названия «тхеравада», «махаяна» и «ваджраяна» помогают ориентироваться в буддизме, если понимать, что они обозначают разные уровни карты. Тхеравада — конкретная историческая традиция. Махаяна — широкий круг движений, текстов и путей, объединённых особым значением идеала бодхисаттвы. Ваджраяна — прежде всего тантрические формы пути, обычно внутри махаянского горизонта. Эти три слова не делят всех буддистов на три герметичных лагеря. Мы рассмотрим общие основания, различия целей и способов практики, место текстов и общины, а затем проверим несколько распространённых стереотипов. Цель карты — дать возможность задавать точные вопросы, а не ранжировать традиции по степени духовной продвинутости.

I. Почему три названия не образуют три одинаковых ящика

Хорошая карта начинается с признания собственной условности. На географической карте страна, горная цепь и климатическая зона могут занимать одно пространство, но относятся к разным способам его описания. Примерно такая осторожность нужна и здесь: историческая община, направление религиозной мысли и особая форма практики не обязаны быть взаимно исключающими категориями.

Тхеравада связывает свою текстовую основу с палийским каноном и имеет длительную историю в Шри-Ланке и ряде стран Юго-Восточной Азии. Её собственное вводное изложение доступно в Access to Insight. Махаяна объединяет значительно более широкий

круг традиций, поэтому слово само по себе ещё мало говорит о том, как живёт конкретная община.

Для понимания ваджраяны важно не ставить её автоматически в один ряд с махаяной как совершенно отдельную религию. В объяснении Александра Берзина буддийская тантра представлена как махаянская практика, предполагающая уже имеющуюся основу пути. Это внутреннее изложение определённой традиции, а не доказательство её превосходства.

Условный посетитель может встретить тибетского учителя, который объясняет общую этику, рассуждает о пустотности и ведёт тантрический ритуал. Все три занятия способны принадлежать одной религиозной жизни. Если назвать только последнее «настоящим тибетским буддизмом», два первых исчезнут из картины без основания.

Такая ошибка знакома и вне религии. Мы выбираем самый выразительный признак, затем заставляем его представлять целое. Тихая медитация кажется рациональной, яркий ритуал — мистическим, монашеская дисциплина — строгой. Но внешняя форма не сообщает автоматически ни цель занятия, ни его место в пути, ни качество человеческих отношений внутри общины.

II. Общее основание глубже общей атмосферы

Общность буддийских традиций нельзя устанавливать по тому, что все они якобы учат «быть здесь и сейчас». Это слишком широкая современная формула. В раннем тексте «Приведение колеса Дхаммы в движение», SN 56.11 путь организован вокруг страдания, его возникновения, прекращения и пути к прекращению. Для каждой благородной истины указана своя задача: понять, оставить, осуществить, развить.

Этот рисунок важен даже для читателя, который не принимает религиозный горизонт. Он различает знание проблемы и работу с её условиями. Замеченное страдание не исчезает от того, что его назвали; понимание пути не равняется его прохождению. Именно поэтому буддизм трудно свести к подборке красивых высказываний.

В живой традиции присутствуют Будда, Дхарма и Сангха — пробуждённый учитель, учение и община. Значения этих слов и формы обращения к ним различаются. Но община здесь не случайная декорация вокруг личного переживания. Она передаёт тексты, поддерживает образ жизни, создаёт отношения между мирянами и монашествующими. Институциональный обзор китайского буддизма особенно хорошо показывает материальную и общественную сторону этих трёх драгоценностей.

Можно вообразить человека, который взял одну дыхательную практику из буддийского контекста и применяет её перед выступлением. Это допустимо описать как

заимствование определённого элемента. Но он ещё не воспроизвёл религиозный путь, включающий учение, этику, общину и представление об освобождении. Уважение к традиции не требует запретить заимствование; оно требует правильно назвать его масштаб.

Общее основание также не означает, что все вопросы решены одинаково. Именно разногласия о пути, текстах и идеалах породили богатую историю буддийской мысли. Приписать ей единственный современный лозунг значит заменить исследование узнаваемой рекламной формулой.

III. Тхеравада: дисциплина, освобождение и жизнь общины

В тхераваде центральное место занимает идеал араханта — человека, завершившего путь освобождения от омрачений. Ниббана, палийская форма слова «нирвана», обозначает религиозную цель, которую нельзя свести к хорошему настроению. Палийский канон включает дисциплинарные тексты, беседы и систематические анализы учения. Но текстовая основа живёт в практике передачи, толкования и обучения.

Из этого не следует, что каждый мирянин ежедневно стремится к одной и той же непосредственной цели. Религиозная жизнь может включать щедрость, соблюдение нравственных обязательств, поддержку монастыря, памятные обряды, слушание наставлений и медитацию. Различие между конечной целью пути и сегодняшним участием человека помогает не делать из него неудачного философа только потому, что его религиозная жизнь устроена иначе.

Современный наблюдатель нередко противопоставляет «настоящую медитацию» и «народные обычаи». Но это уже оценка, а не нейтральное описание. Прежде чем её принимать, стоит спросить, что сами участники считают значимым, как они связывают поступки, заботу о других и учение. Человек, который обеспечивает общину едой, может участвовать в религиозной жизни способом, не похожим на выбранный нами идеал индивидуального поиска.

Неверно также делать тхераваду символом эмоциональной холодности. Цель личного освобождения не исключает доброжелательности и помощи. Если сравнение строится как «они думают только о себе», оно уже заранее победило одну традицию словами другой и перестало быть картой.

Полезнее рассматривать напряжение, общее для любого пути: как сочетаются работа над собственным состоянием и ответственность перед окружающими? Помощь другим может становиться формой избегания своих трудностей. Самоисследование может становиться формой равнодушия. Название традиции само по себе не решает ни одной из этих человеческих задач.

IV. Махаяна: значение пути бодхисаттвы

В махаяне особое значение получает бодхисаттва: тот, кто направляет путь к пробуждению на благо живых существ. Бодхичитта означает устремление к пробуждению ради этой цели. Это не просто сочувствие и не требование постоянно забывать о себе. Внутри религиозного горизонта речь идёт о полной перемене понимания и действия.

Махаянская литература неоднородна. Например, издательское представление «Лотосовой сутры» в BDK указывает на идею единой колесницы и на значимые для восточноазиатского буддизма главы. Этот пример показывает конкретный текстовый мир; он не означает, что одна сутра исчерпывает всю махаяну.

Путь бодхисаттвы имеет и более конкретное описание, чем общий призыв быть добрым. В изложении шести совершенств Геше Сонама Ринчена названы щедрость, нравственная дисциплина, терпение, усердие, сосредоточение и мудрость. Важна их связь: помощь не компенсирует причиняемый одновременно вред, намерение требует устойчивого усилия, а сосредоточенность — понимания того, что следует развивать. Автор рассматривает это в религиозном горизонте пробуждения и будущих рождений; перечисленные последствия не становятся подтверждёнными научными фактами благодаря нашему пересказу.

Эта схема меняет и вопрос сравнения. Вместо «какая школа добрее?» можно спросить, как устроено обучение щедрости, как соотносятся нравственные обязательства и медитация, почему мудрость необходима для помощи. Название одной добродетели ещё не раскрывает целый путь. Даже похожие действия могут получать разный смысл в зависимости от цели и основания. Поэтому узнаваемая человеческая сторона учения помогает начать разговор, но не позволяет отбросить его религиозную сторону как ненужное украшение.

Для современного читателя трудность идеала бодхисаттвы обнаруживается в обычном вопросе: можно ли помогать, не делая другого материалом собственного нравственного образа? В условном примере человек требует от близкого принять помощь, потому что ему самому необходимо чувствовать себя спасителем. Внешне он действует бескорыстно; фактически свобода другого мешает его сценарию.

Это наше применение, а не буддийское толкование конкретного эпизода. Оно помогает увидеть, почему широкое устремление ещё нуждается в мудрости. Желание приносить благо не сообщает автоматически, что именно полезно, где заканчивается компетенция и какие последствия возникнут. Сострадание может требовать слушать, учиться, отказываться от удобной роли.

Не стоит, однако, переопределять бодхисаттву как современного социального работника. Исторический идеал связан с представлениями о пробуждении, сансаре и длительном пути. Современная этическая аналогия может быть содержательной, пока мы не выдаём её за полное совпадение.

Различие с идеалом араханта существенно внутри ряда махаянских изложений. Но читателю важно отделять самоописание школы от беспристрастного суждения о всех людях другой традиции. Религиозная полемика является частью истории, а не обязательным тоном нашего сравнения.

V. Ваджраяна: особые средства требуют основания

Ваджраяна связана с тантрическими средствами пути: ритуалом, мантрой, визуализацией и особыми отношениями передачи. В рассмотренном объяснении Берзина такие средства предполагают этическую дисциплину, бодхичитту, понимание пустотности и подготовку. Посвящение означает не получение красивого впечатления, а вхождение в определённый режим обязательств.

Наиболее важная граница для внешнего читателя проходит между описанием практики и инструкцией к её самостоятельному выполнению. Можно узнать, что визуализация образа будды занимает определённое место в традиции. Из этого не следует, что найденная картинка и несколько слов из книги создают достаточные условия для практики.

Здесь легко действует потребительская логика: самое необычное кажется самым сильным, а самое сильное обещает самый короткий путь. Но сложность и скорость нельзя оценивать по внешнему эффекту. Условный человек выбирает интенсивный курс, потому что устал от обычной жизни, затем воспринимает каждую трудность как подтверждение собственной «неготовности». При этом он вообще не выяснил, какие обязательства принимает и кто отвечает за обучение.

Наш вывод ограничен: религиозное средство следует понимать в его контексте. Он не подтверждает эффективности конкретного ритуала и не оценивает конкретного учителя без сведений. Уважение к передаче не требует доверять любому человеку, использующему её язык.

Ваджраяну также нельзя отождествлять со всем тибетским буддизмом. В нём существует философское образование, общая этика и нетантрические формы пути. Обратная ошибка — считать тантрический буддизм исключительно тибетским явлением. Японская традиция Сингон в собственном изложении Конгобудзи сохраняет другую историческую форму эзотерического буддизма. Для карты достаточно этого различения; переносить условия одной линии на другую без проверки нельзя.

VI. Тексты, учителя и формы знания

На этом месте полезно развернуть вторую карту — карту собраний текстов. Она не совпадает полностью с картой трёх направлений. Палийский, китайский и тибетский каноны формировались в разных языках и исторических условиях. Между ними есть пересечения, но наличие общего учения не означает одинакового состава книг и одинаковой истории их передачи.

В палийской Типитаке различают три крупных собрания: Виная-питаку, Сутта-питаку и Абхидхамма-питаку. Виная относится прежде всего к устройству и дисциплине монашеской жизни; сутты содержат беседы и наставления; Абхидхамма предлагает систематический разбор учения. Таким образом, даже внутри одного канона читатель встречает разные задачи текста. Правило общины, беседа и аналитическая классификация не обязаны звучать одинаково и отвечать на один вопрос.

Тибетский текстовый мир даёт особенно наглядный пример. Обзор переводческого проекта 84000 различает Кангьюр — собрание переводов текстов, признаваемых словом Будды, — и Тенгьюр, собрание переводов трактатов индийских учителей. «Слово Будды» здесь является категорией традиционного авторитета: оно включает не только речь, непосредственно приписанную Будде, но и некоторые учения других лиц. Это не равнозначно исторически установленной записи каждого разговора.

В Кангьюре соседствуют дисциплинарные произведения, сутры и тантры. В Тенгьюре присутствуют комментарии, философия, логика и другие области знания. Поэтому сама организация библиотеки уже опровергает представление, будто тибетская традиция состоит только из необычных ритуалов. Обзор также отмечает несколько редакций собраний, отличающихся составом, порядком и текстовыми подробностями. Указать название канона ещё недостаточно, если исследование касается конкретного места: важны произведение и использованная версия.

Ответы 84000 на вопросы о каноне помогают сопоставить собрания, не объявляя их тремя совершенно чужими мирами. Многие махаянские произведения существуют и в китайских, и в тибетских переводах; часть сохранилась только по-тибетски. Тибетское собрание включает обширные тантрические разделы, китайское — некоторые тантрические произведения, палийское не включает буддийские тантры. При этом соответствующие палийским учения и рассказы могут встречаться в тибетских текстах в виде параллельных фрагментов, а не отдельной книги с тем же устройством.

В собственном условном случае начинающий исследователь берёт из одного собрания правило монашеского распорядка, а из другого — философский комментарий о сознании. Первый отрывок кажется ему бытовым, второй — глубоким. Он заключает, что одна

традиция интересуется только внешним порядком, а другая внутренним пониманием. Но результат был заложен в выборе страниц: сравнивались разные задачи текста. Чтобы исправить сопоставление, не требуется заранее объявлять традиции одинаковыми. Нужно сначала выбрать общий вопрос и найти места, которые действительно его обсуждают.

Если вопрос касается жизни монашеской общины, философский комментарий не заменяет дисциплинарного источника. Если вопрос касается объяснения опыта, распорядок сам по себе не сообщает позицию школы. Уже после такого выравнивания могут обнаружиться реальные различия; они станут содержательнее, потому что перестанут зависеть от случайного контраста жанров. Этот шаг меняет способ чтения карты: её название указывает, где начать поиск, но вывод требует конкретного места, его адресата и цели. Сохранённое различие между учением, формой передачи и сегодняшним участием человека позволяет не превращать одну выбранную страницу в портрет всех последователей.

Отсюда следует осторожное читательское правило: отсутствие знакомого заглавия не доказывает отсутствие соответствующего содержания. И наличие одинаково переводимого термина ещё не доказывает полной одинаковости его роли. Сопоставлять нужно конкретные места, жанры и толкования. Масштабная библиотека не отвечает за нас на вопрос, как именно данная община читает одну страницу.

Различие языков тоже не сводится к выбору между более и менее удобными словами. Переводчик должен решить, как передать понятие, границы которого не совпадают с привычным русским словом. В нашей статье мы уже встретили ниббану и нирвану — формы, пришедшие через разные языки. Для первого знакомства разумно объяснять такие различия; для серьёзного сравнения полезно сохранять исходный термин рядом с переводом. Иначе различие может незаметно возникнуть или исчезнуть в работе переводчика, а читатель припишет его самой школе.

Название традиции сообщает многое о текстовом основании, но не отменяет роли толкования. Даже когда община принимает один канон, остаются вопросы: как его читать, чему учить начинающего, как согласовать отдельные места, что считать существенным в данной ситуации? Передача текста и передача понимания связаны, но не совпадают автоматически.

Это можно увидеть на собственном условном примере с профессиональным обучением. Два человека прочитали одно руководство. Один может воспроизвести термины, другой умеет заметить ошибку в реальной работе. У второго есть знание, которого не гарантирует запоминание. Вместе с тем опыт не делает его непогрешимым: ему всё ещё полезны документация, проверка и возражения коллег.

Аналогия помогает поставить вопрос о религиозном учителе, но не заменяет внутреннего смысла наставничества. В разных буддийских традициях учитель может быть носителем линии, примером образа жизни, толкователем текста и проводником практики. Не все эти роли одинаково устроены, и не каждое обращение «учитель» означает одну степень обязательств.

Встреча с человеком не должна стирать вопрос об основаниях. Почему этому объяснению доверяют? На какие тексты оно опирается? К какой линии относится? Можно ли уточнить непонятное? Каков предел обещаний? Это вопросы, которые помогают понять отношения ещё до сильной личной привязанности.

Нельзя и заменять всё недоверчивым сравнением цитат. Текст требует контекста, а вырванная фраза может выглядеть доказательством почти любой позиции. Читательская самостоятельность состоит не в том, чтобы никогда никому не доверять, а в том, чтобы понимать, чему именно и на каком основании доверие предоставлено.

VII. Внутреннее разнообразие важнее удобного стереотипа

Три названия часто превращают в три психологических портрета: тхеравада — строгая, махаяна — сострадательная, ваджраяна — мистическая. Такой портрет легко запомнить, но он смешивает доктрину, внешний стиль и характеристику людей. Одна конкретная община может быть строгой и заботливой, философской и ритуальной одновременно.

Даже дзен, который нередко представляют как отказ от слов, принадлежит миру текстов, служб и обучения. В официальном перечне ежедневных текстов Сото соседствуют сутры и наставления. Это небольшой, но полезный контрпример к идее, будто молчаливое сидение отменяет письменную традицию.

Разнообразие существует и внутри одной страны. У разных общин могут отличаться язык, акценты обучения, отношения с местным обществом и доступность практики для мирян. Поэтому вопрос «какой буддизм распространён в этой стране?» не заменяет вопроса «что происходит в этом месте и как это объясняют участники?».

В условном туристическом посещении храм может прежде всего предстать как архитектура. У местной семьи он связан с памятью об умерших. У монаха — с дисциплиной и обучением. Эти взгляды пересекаются, но ни один не должен автоматически объявлять остальные непониманием. Наиболее содержательная встреча начинается, когда мы замечаем собственный угол зрения.

Такое замечание не обязывает принимать любое объяснение как одинаково истинное. Оно лишь не позволяет спутать ограниченность нашей встречи с ограниченностью самой

традиции. Мы можем не знать смысла обряда; это не доказательство, что смысл отсутствует.

VIII. Общий язык дисциплины не делает религиозные пути взаимозаменяемыми

Сходное действие получает разный смысл в зависимости от цели пути. Поэтому карту буддизма полезно проверить сравнением с традицией, которая тоже знает обучение, нравственные качества и преобразование человека, но иначе обосновывает их. Такой шаг не превращает различия в соревнование. Он помогает увидеть, какие части пути пропускает современный образ универсальной духовной техники.

В «Никомаховой этике» Аристотеля, II, 1 нравственная добродетель развивается через привычку. Это позволяет сопоставить обучение устойчивому действию с буддийской дисциплиной, не считая нравственность одним сильным переживанием. Однако цель аристотелевского рассуждения не становится нирваной: сходная работа образования характера входит в другую картину человеческой жизни. Само слово «добродетель» не обеспечивает одинакового понимания причин страдания или освобождения.

У аль-Газали различие сведений и осуществлённого религиозного знания получает ещё иной адрес. В академическом изложении его суфийского пути, §4c, опытное знание Бога связано с очищением сердца. С буддийскими формами пути его можно сопоставить по вопросу: чего недостаточно знать из описания и какую работу должен выполнить человек? Но предмет религиозного понимания различен. Нельзя переименовать Бога в пустотность, а бодхичитту — в любой внутренний подъём и на этом объявить согласие.

Этот предел возвращает нас к трём храмам. Посетитель может встретить дисциплину в каждом, но дисциплина ещё не сообщает, какой путь он увидел. Если все формы свести к упражнению терпения, из тхеравады исчезнет её освобождающая цель; из махаяны — особая направленность пробуждения; из ваджраяны — условия передачи и место средств. Удобная общая схема станет точной только после уточнения того, что она сохранила и что оставила за рамками.

Сопоставление поэтому требует двух масштабов. На одном исследуют похожую человеческую задачу: воспитать способность действовать, соединить понимание и жизнь. На другом сохраняют конкретное религиозное основание. Мы вправе обсуждать первый масштаб без обращения в религию. Но не вправе выдавать его за полное содержание второго. Именно это делает возможным взрослый межкультурный разговор: узнавание помогает начать чтение, а различие не позволяет слишком рано его закончить.

IX. Завершение: карта должна оставлять место людям

Карта различий полезна, пока она помогает видеть. Тхеравада, махаяна и ваджраяна обозначают реальные исторические и религиозные различения, но не заменяют жизнь конкретных общин. Идеал освобождения, путь бодхисаттвы и тантрические средства нельзя аккуратно разложить по шкале «эгоизм — альтруизм — высшая мудрость».

Для сравнения нужны точные вопросы: какая цель названа, какие основания приняты, какими средствами идут, какие обязательства возникают, как соединены мудрость и нравственное действие? Тогда различия обретают содержание. Само слово «духовный» не отвечает ни на один из этих вопросов.

У этой карты есть ещё одно следствие. Уважение не требует соглашаться с каждой религиозной предпосылкой; несогласие не требует делать чужую жизнь примитивной. Мы способны читать, спрашивать, замечать ограничения и оставлять неизвестное неизвестным. Такая встреча сохраняет достоинство и традиции, и посетителя.

Три храма из начала статьи после этого остаются разными. Но различие уже не исчерпывается цветом одежды, числом рук у изображения и наличием тишины. За внешним впечатлением проступают учение, передача, человеческое участие и путь. Именно ради этого карту и стоило развернуть.

Что это значит на практике

Если цель — познакомиться с буддизмом, полезно сначала определить, что вы ищете: историческое знание, философский разговор, участие в религиозной жизни или конкретную практику. Эти цели могут сочетаться, но не стоит незаметно менять одну на другую. Лекция о религии не создаёт обязательств ученика; участие в обряде может иметь смысл, о котором необходимо узнать заранее.

Для первой встречи достаточно нескольких точных вопросов. К какой традиции и линии относится община? Какие тексты здесь считают основными? Что предлагается начинающим? Какие обязательства возникают, если продолжить? Как можно задавать вопросы и прекратить участие? Ответы лучше получить непосредственно, а не вывести из фотографии учителя.

Сравнивая два объяснения, сохраняйте одинаковый масштаб. Не сопоставляйте сложное философское изложение одной школы с бытовой привычкой одного последователя другой. Такое сравнение гарантирует перекос. Если речь о нравственной практике, спросите об обеих; если о конечной цели пути — сравнивайте именно цели.

Современный интерес к отдельным упражнениям допустимо назвать отдельно. Человек может читать буддийскую философию без обращения в буддизм. Может присутствовать на открытой встрече и остаться наблюдателем. Может отказаться от религиозных предпосылок, сохранив уважение к людям. Честное обозначение этой позиции лучше, чем заявление о принадлежности, которое означает только симпатию к нескольким цитатам.

Не требуется немедленно найти «свою» школу. Иногда знакомство становится полезным именно потому, что обнаруживает неверный первоначальный вопрос. Вы искали метод избавиться от раздражения, а встретили проблему того, как жить с обязательствами. Вы искали экзотику, а обнаружили годы обычной дисциплины. Такая перемена интереса не является поражением.

Важен и следующий шаг после знакомства. Если вы решили продолжить чтение, выберите конкретный текст и посмотрите, какие вопросы появились. Если решили посетить общину, уточните формат встречи. Если решили остановиться, не превращайте это в универсальный приговор буддизму. Малое проверяемое решение надёжнее большой идентичности, принятой под впечатлением одного вечера.

Ключевая цитата

> *«Всё подверженное возникновению подвержено прекращению».*

SN 56.11, заключение эпизода о понимании Конданньи; наш перевод с английской версии Ṭhānissaro Bhikkhu. В тексте это религиозное постижение, а не обещание, что любая неприятность уйдёт сама. Карта путей нужна именно потому, что учение соединяет понимание с определённой работой.

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Таблица показывает общий вопрос и предел сходства; историческое влияние не устанавливается одним совпадением формулировок.

Позиции	Сходство	Граница
Тхеравада ↔ Аристотель, II,1	Достойное действие требует устойчивого обучения.	Ниббана не равняется формированию аристотелевской добродетели.
Шесть совершенств ↔ аль-Газали, §4c	Нравственная дисциплина входит в религиозное преобразование.	Пробуждение ради существ и опытное знание Бога имеют разные основания.

Позиции	Сходство	Граница
Ваджраяна у Берзина ↔ Сингон	Эзотерический буддизм имеет несколько исторических форм.	Условия одной линии не распространяются автоматически на другую.
Палийский канон ↔ Кангьюр/Тенгьюр ↔ китайский канон в сравнении 84000	Текстовые собрания поддерживают передачу пути.	Их состав, жанры и редакции различны; общий термин не означает одинаковой книги.
Три драгоценности в китайском буддизме ↔ ежедневные тексты Сото	Учение существует через общину и повторяемые формы участия.	Один китайский обзор или перечень Сото не описывает всю махаяну.

Первоисточники

• John T. Bullitt. What is Theravada Buddhism? Access to Insight. Введение, палийский канон и краткое изложение пути; традиционное самоописание.

• SN 56.11. Dhammacakkappavattana Sutta. Перевод Thānissaro Bhikkhu. Четыре истины и разные задачи их освоения.

• Buddhism: The “Imported” Tradition. Asia for Educators, Columbia University. Разделы о бодхисаттвах и трёх драгоценностях.

• Alexander Berzin. What Is Tantra? Study Buddhism. Подготовка, посвящение и обязательства; конкретное внутреннее изложение.

• The Lotus Sutra, Revised Second Edition. BDK America. Прочитано издательское описание издания, не весь перевод сутры.

• What is the Koyasan Shingon Sect? Kongobu-ji. Самоописание японской эзотерической традиции.

• Soto School Scriptures For Daily Services And Practice. SOTOZEN.COM. Проверяемый контрпример к представлению о дзен как о традиции без текстов.

• Geshe Sonam Rinchen. The Six Perfections. Snow Lion / Shambhala. Авторское устное учение в редакции и переводе Ruth Sonam; прочитан опубликованный фрагмент, не вся книга.

• Facts and figures about the Kangyur and Tengyur. 84000. Определения собраний, жанры и различия редакций.

• FAQ. 84000. Разделы о тибетском каноне и его сопоставлении с китайским и палийским собраниями.

• Аристотель. Никомахова этика, II, 1 и 6, перевод W. D. Ross. Первичный текст: привычка и середина относительно человека..

• Al-Ghazālī. Internet Encyclopedia of Philosophy, §4c. Академическое изложение суфийского опытного знания и нравственной дисциплины..

Теги

буддизм, тхеравада, махаяна, ваджраяна, палийский канон, Типитака, Виная, сутты, Абхидхамма, Кангьюр, Тенгьюр, китайский канон, Будда, Дхарма, Сангха, четыре благородные истины, восьмеричный путь, арахант, бодхисаттва, бодхичитта, ниббана, нирвана, тантра, посвящение, Сингон, Сото, шесть совершенств, нравственная дисциплина, община, Аристотель, аль-Газали, межтрадиционное сравнение

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.